

Вечность Тьмы

18+

Иван Коржевский
Вечность Тьмы

«Автор»

2026

Коржевский И. А.

Вечность Тьмы / И. А. Коржевский — «Автор», 2026

«Вечность Тьмы» — мрачная философская антиутопия о ценозапретного знания и о поиске истины. Молодой наследник Империи Кассиан готовится принять власть, мечтая о мире и справедливости. Но на смертном одре отец открывает ему тайну, которую их династия хранит веками, — знание, ломавшее каждого, кто им обладал. Чем глубже Кассиан погружается в неё, тем яснее понимает: мир устроен совсем нетак, как он привык думать. Ему предстоит ответить на вечные вопросы: почему в мире столько зла и страданий? Что такое мирвокруг? И что значит любить?

© Коржевский И. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Глава первая. Надежда	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Вечность Тьмы

Аннотация

«Вечность Тьмы» — мрачная философская антиутопия о цене запретного знания и о поиске истины.

Молодой наследник Империи Кассиан готовится принять власть, мечтая о мире и справедливости. Но на смертном одре отец открывает ему тайну, которую их династия хранит веками, — знание, ломавшее каждого, кто им обладал. Чем глубже Кассиан погружается в неё, тем яснее понимает: мир устроен совсем не так, как он привык думать. Ему предстоит ответить на вечные вопросы: почему в мире столько зла и страданий? Что такое мир вокруг? И что значит любить?

Глава первая. Надежда

Кассиан замер посреди комнаты, застыв в нетерпеливом ожидании. Он впивался взглядом в массивную дверь, пытаясь силой воли ускорить прибытие стражи.

Отец умирает.

Слова, которые ещё недавно казались невыносимыми, теперь были холодным, твёрдым фактом, вбитым в сознание каждой каплей водяных часов в углу. Император, живой бог для всей империи, Квинт Пятый... угасал. И за Кассианом вот-вот должны были прийти. Не для прощания. Для передачи абсолютной власти, инициации, и он станет Кассианом Шестым. Этот момент он представлял себе тысячу раз, тайно, в глубине души. Сейчас, в предрассветной тишине, эти фантазии вырвались наружу, окрашивая страх в цвета безумной, лихорадочной надежды: «Он наконец объяснится, — думал Кассиан, сжимая и разжимая кулаки. — Объяснит, почему всё было так. Почему кровь, почему цепи, почему бесконечные войны. Должен же быть план! Стратегия, которую я не мог понять!» Он мысленно строил диалог. Он, с достоинством, будет задавать вопросы. Отец, ослабленный, но всё ещё проницательный, откроет ему глаза на истинные причины — может, тайные культы, разъедающие империю изнутри? Или древнего, спящего врага за морем, для борьбы с которым нужна была стальная империя? То, что оправдает всё творившееся зло. И тогда Кассиан кивнет, всё поймёт, и в его глазах загорится не осуждение, а твердая решимость продолжить дело, но — своим путём. Более мудрым. Более человечным.

Он подошёл к полке, где потрёпанные свитки теснились с философскими трактатами. Пальцы сами нашли знакомые переплёты. «Диалоги о справедливом правлении» старого философа Элгара. «Трактат о естественном законе» неизвестного автора. Он перечитывал их до дыр, подчёркивая места, где говорилось о добродетели правителя, о договоре между властью и народом, о том, что сила — последний аргумент тирании, а не мудрости.

«Я запрещаю пытки и кровавые зрелища на арене, — строил он планы, глядя в тёмное окно, где только-только начинала бледнеть полоса неба. — Распущу тайную полицию. Введу суды присяжных из граждан. Сниму кандалы с тех рабов, что прослужили верно двадцать лет... как первая ступенька в лестнице, что приведет к свободе каждого».

Ему казалось, что он буквально может увидеть это: изумление народа, затем — робкую радость в их глазах, а потом — волну благодарности. Его правление не будет легендой о завоеваниях. Оно станет легендой о милосердии и разуме. Он докажет, что империя может быть сильной не страхом, а справедливостью. Что меч может отдыхать в ножнах, а процветание — строиться на праведных законах, а не на грубой силе.

Внезапно его охватил прилив юношеской уверенности. Вот он, момент. Момент, когда бремя власти наконец перейдёт к тому, кто понимает истинный вес ответственности — не как силу подавления, а как ответственность за миллионы душ.

Сердце забило чаще. Кассиан выпрямился, вдохнул полной грудью. Скоро. Скоро он войдёт в те покои не как мальчик, боящийся взгляда отца, а как наследник, готовый принять эстафету и исправить всё, что было сломано. Он зажжёт новый свет в империи. Свет, который не будет коптить от крови и страха.

Он подошёл к умывальнику, плеснул ледяной воды на лицо. В отражении в полированной медной пластине смотрело на него молодое, напряжённое, но полное решимости лицо. Лицо человека, который верит, что мир можно изменить к лучшему.

В коридоре послышались мерные шаги стражи. Пришли.

Кассиан вздрогнул, провёл рукой по волосам, поправил простую тунуку. Последняя мысль перед тем, как дверь откроется, была яркой и чистой, как тот самый воображаемый

свет: «Всё начинается сейчас. Всё плохое — заканчивается. Я всё исправлю. Рождается новая эпоха». Он даже представить не мог, насколько чудовищно ошибается.

Дверь в императорские покои отворилась беззвучно. Воздух был густым и тяжёлым — наполненный запахом лекарственных трав и угасающего тела. Шторы были полузадернуты, и пыльные лучи утреннего солнца выхватывали из полумрака знакомые предметы: карту империи на стене, массивный письменный стол, и в дальнем конце — ложе, на котором, почти сливаясь с тенями, лежал отец.

Кассиан замер на пороге. Он ожидал увидеть тирана на смертном одре — гордого, гневного, несгибаемого. Но перед ним был просто... старый, очень больной человек. Кости резко выпирали под тонкой кожей, некогда могучие руки беспомощно лежали на одеяле. Лишь глаза, глубоко запавшие в орбитах, сохраняли остатки того пронзительного, оценивающего взгляда, перед которым трепетала Империя.

«Подойди, Кассиан».

Голос был тихим, хриплым, лишённым всех привычных интонаций власти. Это был просто голос, не тирана и даже не императора, лишь уставшего человека.

Кассиан сделал несколько шагов, чувствуя, как готовая речь — достойная, полная скрытых упрёков и непонимания — застревает у него в горле. Он опустился на низкий табурет у ложа.

«Отец...» — начал он, и его собственный голос прозвучал неестественно громко в этой тишине.

«Я знаю, о чём ты думаешь», — прервал его император. Глаза его были прикрыты, будто ему было тяжело держать их открытыми. «Ты думаешь о реформах. О справедливости. О том, как всё исправить, создать совершенно новый порядок».

Кассиан кивнул. «Да. Именно об этом».

«Ты осуждаешь мои войны. Казни. Рабство. Ты считаешь, что я правил железом и страхом».

Это было сказано не как обвинение, а как констатация. И от этой простоты у Кассиана ёкнуло сердце. Он нашёл в себе силы ответить, стараясь, чтобы голос не дрогнул:

«Разве не могло быть иначе? Разве империя не могла быть сильной... без всей этой крови? Народ страдал, отец! И я не понимал... не понимаю, зачем это было нужно».

Эти слова вселили в будущего императора уверенность, и то, что копилось годами, готово было вырваться наружу. «Отец... зачем? Зачем казнили восставших в Сатурнии? Их можно было простить, сделать примером милосердия! А завоевания? Рабство? Мы же могли торговать, договариваться, делиться знаниями! А боги? Жрецы говорят, что мы приносим кровавые жертвы, чтобы умиловить Мрачных Владык, остановить их гнев, но это же безумие! Если они всемогущи, зачем им наши жертвы? Мы можем бороться с глупостью и жадностью законами, просвещением!» Кассиан выдохнул, обвинения были произнесены на одном яростном дыхании.

Он ждал вспышки гнева. Оправданий о «государственной необходимости», о «жёстких решениях», которые он, молодой и наивный, не в силах постичь.

Но отец лишь медленно открыл глаза. В них не было гнева. Была невыразимая, какая-то немыслимая усталость.

«Ты прав, — тихо сказал отец. — Народ страдал. Страдает. И будет страдать. Не потому, что я жесток. И не потому, что ты будешь мягок».

Кассиан нахмурился. Это были не те слова, которых он ожидал, не попытка оправдаться. Это звучало как... как приговор.

«Тогда почему?» — вырвалось у него, и в голосе впервые прозвучала не детская обида, а горечь будущего правителя, видящего боль, но не видящего её причины.

Отец помолчал, глядя куда-то поверх его головы, будто собирая силы или подбирая самые падающие слова для невыносимой истины.

«Представь, сын мой, что ты капитан корабля, — начал он, и голос его приобрёл странную, наставительную плавность. — Но не обычного. Твоего корабля... нет на картах. У него нет цели в обычном понимании. Его задача — просто... плыть. По определённом маршруту, в определённом темпе. А ветер, волны, сама стихия... они настроены против этого маршрута. Ты можешь пытаться быть добрым капитаном. Улучшать условия для команды, раздавать двойные пайки, запрещать наказания. Но если ты свернёшь с курса, чтобы избежать шторма... корабль разобьётся. Весь. Со всеми на борту. И не по твоей злой воле. Просто... таков океан. Таков неумолимый маршрут».

Кассиан слушал, всё больше теряясь. Метафора была ясна, но её суть ускользала. Какой такой «маршрут»? Какой «океан», диктующий необходимость страдания?

«Ты говоришь загадками, отец, — с досадой сказал он. — Какой курс? Чьи карты? Если есть угроза, враг — назови его! Если есть закон, выше наших — открой мне его!»

Отец вздохнул, и этот вздох был похож на стон. Он перевёл взгляд на сына, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на жалость.

«Враг не в соседнем государстве, Кассиан, и не внутри Империи. Закон — не в наших руках. Всё... сложнее. И проще. И, боюсь, нет врага, которого можно сокрушить мечом. Есть только... условия плавания. Которые нельзя изменить. Можно лишь... управлять кораблём в их рамках, пытаясь хоть как-то смягчить качку для тех, кто в трюме».

Он снова замолчал, будто давая сыну впитать эту безнадежную истину, еще не облеченную в форму.

«Есть только понимание, сын мой. Понимание истинной природы нашего... океана. И это понимание — тяжелее короны. Оно — и есть твоё настоящее наследие. Готов ли ты его принять?»

Вопрос повис в воздухе. Кассиан, всё ещё не понимая, о чём идёт речь, но уже чувствуя надвигающуюся ледяную тяжесть, кивнул.

«Готов», — сказал он, ещё не зная, что соглашается не на власть, не на правление, а на проклятие.

Отец долго смотрел на него, будто примеряя, куда нанести первый удар. Потом его взгляд стал отстранённым, обращённым вглубь веков.

«Кассиан, — начал он, и голос его приобрёл ровную, лекторскую интонацию, — ты читал хроники. Ты знаешь историю нашего дома, империи, народов. Но ответь мне: ты когда-нибудь задумывался о повторяющихся узорах, которые прошивают всю нашу историю, как нить сквозь ткань?»

Кассиан нахмурился. Он ожидал мрачную тайну, а отец говорил о философии истории. «Узоры? Ты имеешь в виду циклы расцвета и упадка?».

«Нет, — мягко, но твердо возразил отец. — Я говорю о другом. Возьмём... жертвоприношения. Не только в Империи, но, например, у диких горных племён Шаар'хи — они режут лучшего воина, когда их "провидец" заявляет о такой необходимости, чтобы «умилостивить Голодные Горы». У оседлых земледельцев Долины Трёх Рек — топят юную девушку в день летнего солнцестояния, чтобы «реки не вышли из берегов». На дальнем Юге — сжигают старейшину, чтобы «солнце вернулось после зимы». Разные боги. Разные ритуалы. Но суть одна: страдание и смерть как плата за выживание. Ты не находишь это... подозрительно единообразным для столь разных культур?»

Кассиан пожал плечами, чувствуя лёгкое раздражение. «Суеверия дикарей. Страх перед непонятным. Я отменю все жертвоприношения».

Отец слабо усмехнулся. «А наши триумфальные игры на арене? Где военнопленных разрывают звери, а толпа ликует? Это не суеверие. Это — зрелище. Но функция... та же. Концентрированное страдание на публике. Только имена богов меняются. Ты читал древние хроники в нашей библиотеке и что увидел? За сотни лет до Империи было то же самое. Узор повторяется, сын. Меняется лишь форма».

В комнате повисла тишина. Кассиан чувствовал, как почва под его ногами, такая твёрдая и понятная, начинает слегка колебаться.

«К чему ты ведёшь, отец?» — спросил он, и в голосе его уже не было прежней уверенности.

«Я веду к простому и очевидному вопросу, — сказал слабеющий император. — Как божественный мир может вмещать такое количество страданий? Такую звериную жестокость, понижающую в веках все народы всех известных нам земель? Что, если это... сама суть?»

«Сама суть? Суть чего?» — Кассиан не понял.

Отец продолжил, будто не замечая вопроса сына. — «И все эти войны, которые ты осуждаешь, все эти казни, рабство, неравенство, приносящие столько боли... что, если они — не

ошибки правления, не злодейство тиранов, не глупость народа, а необходимая, неизбежная, совершенная в своем исполнении суть человеческого существования?»

Отец сделал паузу, давая словам просочиться сквозь броню юношеского идеализма.

«Ты мечтаешь выключить эту машину. Убрать страдание. Хочешь остановить дождь, потому что он мочит тебя, не задумываясь, откуда берутся тучи и для чего вообще идёт дождь».

Кассиан почувствовал холод, пробежавший по спине. Метафоры отца были прозрачны и ужасны. Он уже не говорил о политике. Он говорил о чём-то другом. О том, что мир устроен по каким-то иным, чудовищным законам.

«Для чего этот дождь страданий, отец?» — выдохнул он, уже почти боясь ответа.

Отец откинулся на подушки, а из груди вырвался глубокий, как океан, выдох.

«Вот теперь мы подходим к сути. К истине, которую хранит наш дом. Ты готов услышать ответ, для которого нет ни героического противодействия, ни благородного примирения? Только... понимание?»

Отец замолчал, оценивая эффект от своих слова. Он видел, как в глазах сына замелькали тени сомнения, растерянности, первых трещин. Этого достаточно для подготовки, — подумал он. Теперь требовалось не раскачивать почву, а выбить её из-под ног одним резким движением.

Он собрал последние силы, чтобы сесть чуть прямее. Его взгляд, прежде усталый и рассеянный, внезапно стал пронзительным и невероятно тяжёлым. Он уставился на Кассиана так, будто вбивал в него гвоздь.

«Кассиан, — произнёс он, и его голос, хриплый от болезни, обрёл странную, леденящую чёткость. — Сейчас я скажу тебе то, что говорил мне мой отец, и что говорил ему — его. Это Знание. Не мнение. Не теория. Не загадка. Это — аксиома нашего мира. После неё твой мир никогда не будет прежним. Ты не сможешь не знать этого. Оно сожжёт тебя изнутри и отстроит заново из пепла, в котором не останется ничего от того юноши, что сидит сейчас передо мной».

Он сделал паузу, давая предупреждению проникнуть до самых костей.

«Я пытался подготовить тебя, как мог. Но знай: быть готовым к этой истине — невозможно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.